

Трудно счесть здоровым человека, который, зная столько, сколько знал я, о зловещих делах, вершавшихся на Горе Бурь, рвался бы туда снова — докопаться, что же за страх затаился там. Тот факт, что по меньшей мере два материальных воплощения страха были к тому времени уничтожены, давал лишь очень слабую гарантию психической и физической безопасности в этом Ахероне многоликого сатанизма, и все же я, несмотря ни на что, возобновил поиски с еще большим рвением.

Узнав два дня спустя после моей опасной подземной встречи с демоническим существом, что в тот самый миг, когда на меня смотрели ужасные глаза, в двадцати милях другое злобное существо готовилось к фатальному прыжку, я пережил очередной приступ неумеренного страха. Впрочем, сопутствующие ему страстное любопытство и непонятное возбуждение делали этот страх почти сладостным. Так иногда посреди ночного кошмара, когда невидимые силы несут тебя поверх загадочных мертвых городов к оскалившейся пасти Ниса, нет большего блаженства, чем с диким воплем броситься добровольно в ужасный водоворот сновидений и нестись, не думая о разверзшейся впереди бездне. Точно такие же чувства будил во мне таинственный, перемещающийся в пространстве страх Горы Бурь. Открыв, что там обитали два монстра, я ощутил необузданное желание взрыть всю тамошнюю землю, перекопать голыми руками и освободить наконец от смерти, отравляющей каждый ее дюйм.

Я снова поспешил на могилу Яна Мартенса и принялся рыть на прежнем месте. Однако земля завалила подземный ход, дождь уничтожил все следы моей прежней работы, и трудно было определить, на какой глубине начинается ход. Я предпринял также нелегкое путешествие к хижине, где сожгли смертоносное чудовище, но усилия мои не были вознаграждены. В пепле сохранилось несколько костей, но ни одна из них не принадлежала чудовищу. По словам скваттеров, все ограничилось одной жертвой, но они, очевидно, ошибались: помимо одного хорошо сохранившегося человеческого черепа, я нашел остатки и другого. Хотя многие видели молниеносный бросок чудовища, никто не мог сказать, как оно выглядело, все говорили просто: дьявол. Внимательно осмотрев дерево, на котором оно пряталось, я не нашел ничего подозрительного. Попытался было отыскать возможные следы в темном лесу, но не смог вынести вида уродливых пней и змеевидных корней, зловеще сплетающихся, перед тем как навечно погрузиться в землю.

Затем я еще раз внимательно осмотрел ту брошенную хижину, которую страх посещал чаще всего и где Артур Манро увидел перед смертью нечто его потрясшее, о чем не успел рассказать. Мои предыдущие осмотры, несмотря на все тщание, не принесли осязаемых результатов. Теперь же следовало проверить новую версию: невероятное путешествие под землей убедило меня, что по крайней мере одно из облиций чудовища — подземный монстр. И в памятный день 14 ноября я опять осматривал те склоны Коун-Маунтин и Марпл-Хилл, которые спускались к печально прославившейся хижине, обращая особое внимание на свежие выбросы земли.

День поисков ничего не принес; сумерки застали меня на склоне Марпл-Хилл, я стоял и задумчиво глядел в сторону хижины и Горы Бурь. Роскошный пламенный закат сменился лунным серебристым светом, разлившимся по долине, горным склонам и странным низким холмам, попадавшимся здесь особенно часто. Словом, идиллическая картина. Мне же она была отвратительна: уж я-то знал, что за ней скрывалось. Я равно ненавидел и эту ухмыляющуюся луну, и лицемерную равнину, и гнилостную гору, и эти зловещие холмы. Связанное гнусным союзом с невидимыми силами Зла, всё вокруг, казалось мне, напоено ядом.

Устремив взор на залитую лунным светом землю, я вдруг явственно осознал, что в открывшейся предо мной картине есть некое единство. Незнакомый основательно с геологией, я все же с самых первых дней заинтересовался частыми в этой местности странными

змеевидными холмами. Они располагались вокруг Горы Бурь, и в долине их было меньше, чем на самой возвышенности, где доисторическое оледенение мало препятствовало образованию этих причудливых, фантастических смещений коры. Теперь при свете убывающей луны, отбрасывающей длинные таинственные тени, меня поразило, что углы и линии этой своеобразной системы каким-то образом соотносились с вершиной Горы Бурь. Она, вне всяких сомнений, была центром, откуда во все стороны разбегались лучами эти странные холмы. Дом Мартенсов как бы распустил во все стороны ужасные щупальца... При мысли о щупальцах меня словно подбросило, и тут я впервые подверг критическому анализу свою версию о ледниковом происхождении здешних холмистых складок.

Чем больше я думал, тем менее вероятной представлялась мне эта версия. Мной овладела новая, ужасная и невероятная мысль, подсказанная и формой холмов, и тем, что я увидел под землей. Еще не вполне осознав свое открытие, я бессвязно бормотал, как в бреду: «Боже!.. Ячейки... проклятое место... должно быть, изрешечено сотами... множеством сот... и тогда ночью в особняке... они взяли сначала Беннета и Тоби... тех, кто был ближе... по краям». Не теряя времени, я начал судорожно раскапывать ближайший холм, испытывая отчаяние, страх и одновременно восторг... Так я копал, изредка выкрикивая нечто нечленораздельное, не в силах сдержать обуревавших меня чувств, пока не наткнулся на подземный ход или нору, подобную той, по которой я полз памятной ночью.

Потом я, помнится, бежал с лопатой в руках, бежал, объятый ужасом, по освещенным лунным светом холмистым лужайкам, а затем по чахлому, призрачному леску, расположенному на крутом склоне, бежал, крича и отдуваясь, перепрыгивая через препятствия, бежал прямо к зловещему особняку Мартенсов. Дальше, помню, копал без всякой системы на развалинах заросшего шиповником подвала, надеясь отыскать центр этой злокачественной опухоли. Помню, как дико я расхохотался, наткнувшись на подземный ход у основания старой печи, где густо рос сочный высокий бурьян, отбрасывающий диковинные тени при свете зажженной мною свечи. Я еще не знал, обитает ли кто-нибудь в этом адском улье, таясь и ожидая грома, чтобы выйти наружу. Два монстра уже погибли, может, других и нет? Меня подгоняло острое желание разгадать наконец секрет страха, который, теперь я был убежден, является материальной, органической субстанцией.

Стоя в нерешительности, я размышлял, обследовать ли мне ход самому, прямо сейчас же, прибегнув к помощи электрического фонарика, или отложить поиски и набрать в подмогу группу скваттеров-добровольцев. Вдруг резкий порыв ветра, прервав мои мысли, задул свечу, оставив меня в полной темноте. Лунный свет не проникал в подвал сквозь щели и отверстия в крыше, и тут, охваченный тревожным предчувствием, я услышал леденящие душу раскаты грома, полные для меня теперь нового значения. Повинуясь отчетливо осознанной необходимости спрятаться подальше, я на ощупь пробрался в дальний угол подвала, не сводя, однако, глаз с вырытой рядом с печью ямы. При вспышках молний я мог различать разрушенную временем кирпичную кладку и неестественно пышную растительность. Меня охватили одновременно ужас и любопытство. Что на этот раз вызовет к жизни гроза? Или под землей уже ничего не осталось? После одной ослепительной вспышки я, осмотревшись, перебрался в другое место и спрятался среди особенно густой поросли. Отсюда была хорошо видна яма, сам же я оказался под надежным прикрытием.

Если Провидение будет благосклонно ко мне, то оно вытравит из моей памяти увиденное в ту ночь и даст спокойно дожидаться конца моих дней. Ведь стоит мне теперь услышать отдаленный гром, я не могу уснуть и принимаю успокоительное.

Всё началось мгновенно и неожиданно. Демон, напоминающий своим видом крысу, похрюкивая и сопя, вырвался на волю из далеких, неведомых бездн. А вслед, за ним из той же

ямы выкатилось множество всякой нечисти, целое сонмище мерзких уродцев — гнусные порождения ночи. Самое извращенное воображение не смогло бы породить ничего подобного. Клубясь, они вылетали из зияющего отверстия — кипящий, бурлящий, бушующий фонтан — и, подобно заразе, мгновенно заполнили всё вокруг. Они лезли через щели наружу и устремлялись далее, неся с собой в проклятые леса ужас, безумие и смерть.

Бог знает, сколько их там было — должно быть, тысячи. Этот нескончаемый поток, который я различал при слабых вспышках молний, сковал мое сердце страхом. Когда же поток стал редеть, из сплошной массы начали выделяться отдельные особи. Это были уродливые волосатые чертенята, а может, и обезьяны — дьявольские карикатуры на этих уважаемых животных. От их молчания мороз пробежал по коже. Даже когда один из отставших привычно, отработанным приемом ухватил более слабого, чтобы им закусить, даже тогда я не услышал ни звука. Остальные с жадностью набросились на остатки этого безмолвного пиршества. И вот тогда, несмотря на отвращение и страх, любопытство, которое все это время направляло мои поиски, взяло верх. Я вытащил пистолет, и когда последний из уродцев выбрался наружу из неведомого кошмарного мира, пристрелил его под прикрытием грома.

Пронзительный визг... упоение кровавой охотой... мятущиеся тени, преследующие друг друга в ярких коридорах, прорежаемых молниями... бесплотные призраки, калейдоскопические смены омерзительных сцен... лес и в нем патологически пышные, перекормленные дубы, чьи змеевидные, сплетенные корни тянут неведомые соки из земли, кишачей миллионами дьявольских существ, пожирающих друг друга... замаскированные под холмы щупальца, протянувшиеся из самого центра подземного злокачественного образования... невиданные по силе грозы, бушующие над заросшими плющом мрачными стенами и аркадами, утопающими в пышных зарослях... К счастью, инстинкт привел меня, почти лишившегося от страха чувств, к людям — в мирную деревушку, безмятежно спавшую в мерцании звезд на побледневшем уже небе.

Через неделю я настолько оправился от потрясения, что послал в Олбани за людьми, которым поручил взорвать динамитом дом Мартенсов вместе с вершиной Горы Бурь. Они же должны были уничтожить все подземные ходы под змеевидными холмами, а также выкорчевать перекормленные дубы с пышными кронами, один вид которых мог повергнуть в безумие. Только после завершения этих работ я стал иногда понемногу спать, хотя с тех пор, зная тайну затаившегося страха, уже никогда не мог спать спокойно. Меня преследовала мысль: а вдруг не вся нечисть погибла? И кто знает, не может ли нечто подобное возникнуть еще где-нибудь? Трудно без страха размышлять о неведомых земных кавернах, обладая моим знанием. До сих пор я не могу без содрогания видеть колодец или вход в метро... Ну почему доктора не дадут мне какое-нибудь лекарство, чтобы я наконец нормально уснул, почему не успокоят пылающий мозг?

Разгадка тайны, открывшаяся мне во время вспышки, когда я выстрелил в молчаливое, отставшее от других существ, оказалась настолько проста, что прошла по меньшей мере минута, прежде чем я все осознал. Вот тогда-то меня и обуял подлинный ужас. У этого омерзительного гориллоподобного уродца была сизоватая кожа, желтые клыки и свалявшиеся волосы. Явно предел вырождения — плачевный результат изолированного существования, родственных браков и каннибализма; живое воплощение хаоса и звериного оскала страха, таящихся под землей. Уродец глядел на меня в предсмертной агонии, и его глаза своей необычностью напомнили мне другие, виденные под землей и пробудившие тогда неясные воспоминания. Один глаз был голубой, другой — карий. Именно такими, согласно преданьям, были глаза Мартенсов. И тогда в приступе безмолвного ужаса я понял, что случилось с исчезнувшей семьей, с этим проклятым домом Мартенсов, ввергнутых в безумие громами.

<http://tl.rulate.ru/book/43725/1011542>